

Аркадия Петербург предстает как неоправданное творение Петра, отчужденное от действительности. «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подыметесь с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее фишское болото, а посреди его, пожалуй, для красы бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?» (13, 113).

В. А. ВИКТОРОВИЧ

ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ

«Село Степанчиково и его обитатели»

Автор «Села Степанчикова...» писал, что в его романе «есть два огромных типических характера (...) вполне русских и плохо до сих пор указанных русской литературой» (28, 326). — Фома Опискин и полковник Ростанев. В комментариях к академическому изданию проведена параллель — мольеровские Тартюф и Оргон, а из характеров, «указанных русской литературой», назван лишь тургеневский Кузовкин из «Нахлебника» (3, 501). Между тем Достоевскому был знаком роман, в котором впервые явился русский Оргон. Это роман В. Т. Нарезного «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (1814). Нищий князь Чистяков занимает в семействе доброго и легковсерного Простакова место приживальщика и одновременно «строгаго блюстителя». Слуга однажды сообщает Простакову, что Гаврило Симонович «сидит в углу комнаты своей, перед ним стоит свеча и лежит библия; он (...) горько плачет». «Плачет? — сказал он (Простаков. — В. В.) диким голосом, от которого Маремьяна (жена. — В. В.) и дочь ее задрожали. — Он плачет под кровлею дома моего, — плачет человек добродетельный, которому я дал убежище! О! молю Бога, чтобы не мое семейство было виною слез его. Иначе я сам испрошу громы на головы нечувствительных, которые извлекают слезы из очей несчастного, но доброго человека».¹

Следы чтения «Российского Жилблаза», возможно, обнаруживаются и в имени слуги Фалалая, объекта «опытов» Фомы Опискина. Нарезновский Чистяков родился и жил в деревне Фалалеевке, сын его одно время даже носил фамилию Фалалеев.

* * *

«Я знаю Русь, и Русь меня знает...» (3, 68), — говаривал Фома Опискин. В комментарии указано, что слова эти взяты из предисловия к роману Н. А. Полевого «Клятва при гробе Господнем» (1832)

¹ Нарезный В. Т. Избр. соч. М., 1956. Т. 1. С. 114—115.

и их дважды цитировал Белинский (3, 511). Можно добавить, что формула эта обыгрывалась в ходячей эпиграмме на Полевого «Новая Светлана» (около 1840 г.) М. А. Дмитриева:

Десять лет, как этот гусь
Только обещает.
Хоть твердит, что знает Русь,
И его Русь знает.²

В романе «Басурман» (1838; в 1858 г. пересказан в собрании сочинений писателя) И. И. Лажечникова, которого Достоевский хорошо знал еще с детства, ту же фразу произносит самонадеянный толмач Варфоломей.³

* * *

Полковник Ростанев, восхваляя журнал «Отечественные записки», уморительно удивляется: «И знаешь, обо всем толкование: что, например, значит метла, лопата, чумичка, ухват? (...) Ухват-то выходит, по-ученому, не ухват, а эмблема или мифология...» (3, 135). В комментарии (3, 514—515) справедливо указывается, что имеется в виду статья А. Н. Афанасьева «Религиозно-языческое значение избы славянина» (Отеч. зап. 1851. № 6), и дается отсылка к более поздней, 1861 г., статье Достоевского «Г-н — бов и вопрос об искусстве»: «Мы припоминаем в „Отечественных записках“ одну статью о метле, ухвате и лопате и о значении их в древней русской мифологии» (18, 71). В комментариях к этой статье находим дополнительную информацию: «Статья Афанасьева была предметом частых насмешек в печати» (18, 286), — и следует глухая отсылка к соответствующим томам и страницам сочинений Добролюбова⁴ и Некрасова.

Расшифровав эту отсылку, мы обнаружим, что полковник Ростанев комически восхищался «значеньем ухвата» уже после Некрасова и Добролюбова.

В стихотворении Некрасова «Деловой разговор» о том же предмете рассуждает Подписчик, некий помещик-провинциал, которого усыпляет журнальный отдел «Науки»:

Притом какие вы трактуете предметы?
«Проказы домовых, пословицы, приметы,
О роли петуха в языческом быту,
Значенье кочерги, история ухвата...»
Нет, батюшка, таких статей нам не надо!⁵

² Дмитриев М. А. Новая Светлана. М., 1881. С. 12.

³ Лажечников И. И. Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 482.

⁴ В данном случае отсылка особенно «глухая», поскольку неверно указаны страницы добролюбовского издания: вместо «стр. 90» следует: «стр. 62».

⁵ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 1. С. 86—87.

Это обвинение, обращенное к Журналисту (в нем Некрасов вывел издателя-редактора «Отечественных записок» А. А. Краевского), полковник Ростанев как бы даже опровергает, но своим комическим воодушевлением лишний раз его подтверждает. Недаром Достоевский так боялся за соответствующее место в романе, печатая его в тех же «Отечественных записках» (см.: 281, 360).

Возникает вопрос (как и в других подобных случаях): каким образом в Семипалатинске или Твери Достоевский мог познакомиться со стихотворением Некрасова, напечатанным в «Современнике» в 1851 г. (№ 8). Думается, материал этот «пришел» к писателю во время работы над романом, что, кстати говоря, типично для творчества Достоевского, «заряжавшегося» от сиюминутно-злободневного общественно-литературного контекста. Указанное стихотворение было перепечатано Некрасовым в сборнике «Для легкого чтения» (СПб., 1859. Т. 9. Ценз. разр. 31 октября 1858 г.). Кроме того, в январском номере «Современника» 1859 г. Достоевский мог заметить насмешливую реплику Добролюбова в статье «Литературные мелочи прошлого года» по поводу серьезных ученых, докатившихся до исследования «значенья кочерги, истории ухвата».⁶ Подхваченная Достоевским ирония метила в мелочность и узость современной ему науки. Что касается непосредственно задетого А. Н. Афанасьева, думается, что ирония эта была не вполне уместна.

«Скверный анекдот»

Изгоняемый из компании за пьяный дебош сотрудник «Головешки» кричит: «Все вы подлецы! (...) я вас всех завтра же в „Головешке“ окарикатурю!..» (5, 34). В комментарии «Головешка» расшифровывается как «Искра», сатирический журнал, издававшийся с 1859 г. (5, 356).

Ситуация, описанная Достоевским (рассказ напечатан во «Времени». 1862. № 11), была чуть позже многократно обыграна в сатирическом листке «Оса». В первом же номере «Осы» (при «Якоре». 1863. № 10. Ценз. разр. 9 мая) находим подпись к рисунку:

«— Эй, буфетчик — все, что я забрал, за мной: заплачу когда-нибудь.

— Нельзя-с — мы в кредит не отпускаем, пожалуйста деньги.

— Что? Ах, вы скоты — мне не верить? Завтра же ошлёмую вас в Головешке».

Последняя фраза — почти цитата из «Скверного анекдота». На рисунке изображен господин, сильно напоминающий редактора «Искры» В. Курочкина.

Авторы «Осы» довольно последовательно внедряли этот намек в сознание читателей. В № 8 в стихотворении И. Г. Долгомостьева (криптоним «?») «На загородном гулянье» рассказывается, как сотрудники «Головешки» (название напрямую заимствовано у Дос-

тоевского) пьют и пугают журналом буфетчика. Стихотворение печаталось с посвящением «обличительному поэту» (псевдоним Д. Д. Минаева в «Искре»). Ситуация варьируется на разные лады в стихотворении «Весенние размышления обличителя» (Оса. 1863. № 4). В № 18 «Осы» в статье «Юные таланты» тот же Долгомостьев, в очередной раз описав похожий эпизод (теперь, оказывается, он имел место в «известной кондитерской», хозяин которой вытолкнул «обличителя» в шею), вновь намекает: «История без сомнения „занятная“ для того, кто знает ее из устных рассказов, в которых сообщаются имена». В том же номере — карикатура на эту тему.

В записной книжке В. В. Крестовского 1863 г. есть набросок: «Он соблазнил мою жену — я его вызову на дуэль. Зачем на дуэль — ты его лучше обличи».⁷ Адресат сатиры в данном случае вне сомнения. Вызванный на дуэль Крестовским, обидевшимся на злые эпиграммы, Д. Д. Минаев ответил лишь новыми хлесткими эпиграммами.⁸ Не исключено, что именно этот реальный случай 1862 г. послужил первоисточником для формирования вышеописанного сатирического сюжета.

Итак, эпизод с обличителем в «Скверном анекдоте» вызывал у современников вполне конкретные ассоциации. В этом контексте фамилия главного героя (кстати говоря, приятеля сотрудника «Головешки») Псевдонимов — намек из того же ряда. В комментариях (5, 354) по этому поводу говорится: «... фамилия „Псевдонимов“, возможно, представляет переделку фамилии „Псевдонимов“, которую носит поэт в фельетоне (...) Д. Д. Минаева (...) в журнале братьев Достоевских „Время“ (1861, № 1...)».

Ситуация («не то обличу!»), впервые описанная Достоевским, получила впоследствии закрепление в реальных литературных нравах (см., например: Санкт-Петербургские ведомости. 1865. 8 июля. № 172; см. также: 7, 370).

С изрядно мифологизированным знакомым образом мелкотравчатого обличителя мы встречаемся в «Преступлении и наказании» уже в целой серии подобных анекдотов (6, 79).

«Идиот»

Поддразнивая завравшегося генерала Иволгина, Лебедев рассказывает нелепую историю, как он «в двенадцатом году (...) лишился левой своей ноги и похоронил ее на Ваганьковском кладбище...» (8, 411). В комментариях читатель отсылается к записи в «Дневнике» А. Г. Достоевской от 11 (23) мая 1867 г. о памятнике в Дрездене генералу Каменскому, «которому здесь оторвало обе ноги»: «Эти-то самые знаменитые ноги и были похоронены здесь, на холме, а само тело было отвезено в Петербург» (9, 455). Между

⁶ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 62.

⁷ ИРЛИ, ф. 129, № 2, л. 64.

⁸ Гудок. 1862. № 7. С. 55; № 11. С. 86.

тем рассказ Лебедева имеет другой, куда более близкий по сюжету (похороны живым человеком своей поги) источник.

Внимательно читая в 1864 г. журнал «Русский вестник», в шестом номере его Достоевский мог встретить любопытную историю в мемуарах И. И. Лажечникова «Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи „Материалы для биографии А. П. Ермолова“». Лажечников оспорил одно суждение М. П. Погодина, автора вышеозначенных «Материалов...», что генералу А. И. Остерману-Толстому при Кульме оторвало ногу. Не ногу, а левую руку, — уточнял Лажечников, бывший тогда адъютантом Остермана-Толстого, и далее рассказывал, что «рука эта долго хранилась в сирте», а в 1818 г. генерал присхал в имени и «зарыл руку в фамильном склепе своих дядей, графов Остерманов, в ногах у гробниц их, как дань благодарности за их благодеяния и свидетельство, что он не уронил наследованного от них имени». По свидетельству Лажечникова, генерал пригласил священника, и тот отслужил панихиду. Ср. утверждение Лебедева в романе, что он «служит ежегодно по ней (ноге. — В. В.) панихиду (что уже святотатство)...» (8, 411).

Рассказ Лебедева построен по тем же канонам, что и нелепые рассказы генерала Иволгина, всегда почти имеющие в основании факты, где-то вычитанные. Пародируя генерала, Лебедев показывает, что и он умеет делать это не хуже его. Эпизод имеет и другой смысл, надсюжетный. Реальная, действительная жизнь, по убеждению Достоевского, «фантастичнее» любого вымысла, так что и сумасшедшие истории Иволгина ничуть не удивительнее самой действительности.

«Братья Карамазовы»

Вопрос об источниках «Легенды о Великом инквизиторе» имеет уже немалую литературу (см.: 15, 462—465), свидетельствующую, что сформулированные Достоевским идеи как бы «носились в воздухе» истории. Мечта Великого инквизитора о власти, основанной на чуде, тайне и авторитете, имеет еще одну литературную параллель, приближенную по времени к роману Достоевского и несомненно ему известную. Это переводная работа Н. С. Курочкина «Два инквизитора. Из трагедии Никколини „Антонио Фоскарини“», опубликованная в сборнике «Складчина» (СПб., 1874), в организации которого Достоевский принял самое живое участие.

О сущности и основаниях своей власти, стремящейся сравняться или даже заменить власть божественную, беседуют здесь два венецианских инквизитора. Перевод Н. Курочкина несколько вольный, но верно передающий смысл подлинника.¹⁰

⁹ Рус. вест. 1864. № 6. С. 806.

¹⁰ Ср.: Niccolini G. B. Opere. Firenze, 1847. Vol. 2. P. 19—20. Относительно более точный перевод Н. Д. Хвоцинской см.: Дело. 1882. № 4. С. 15—16.

Лоредано: Да! наша власть могуча и страшна
И нет границ ей! ... до всего достигнуть
Мы можем силой всемогущей тайны...
(...)

Должны мы о судилище своем
Такую мысль поддерживать в народе —
Что каждый ложный шаг его мы знаем
И вместе — не прощаем ничего!

Контарини: Народ — дитя; им надо управлять,
Держа его под страхом неусташно;
Готов он в Боге лишь тирана видеть
И признавать в любом тиране — Бога!
Я понимаю, что достигнуть нам
Подобного величья падо!...

(с. 121—123)

Однако между двумя инквизиторами есть и существенное различие: Контарини «любви желает», а Лоредано одинок и «бережет в себе глухую злобу на целый мир»; как говорит о нем Лоредано:

Не может
Он сделаться по слабости преступным,
Но злодеяние совершить... и зверство
От мужества избытка — он способен...¹¹

(с. 128)

«Последние литературные явления. Газета „День“»

В этой статье (Время. 1861. № 11. Ценз. разр. 7 ноября) Достоевский определяет идеал славянофильства как состоящий «из страстной, но несколько книжной и отвлеченной любви к отечеству, из святой веры в народ и в его правду, а вместе с тем (зачем утаивать? отчего не высказать?) — из панорамы Москвы с Воробьевых гор...» (19, 60). Отражая общий взгляд Достоевского этого времени на недостаток «реализма» и «движения» в славянофильском учении, цитируемый отрывок несет на себе некоторые следы чтения недавно опубликованной главы из «Литературных воспоминаний» И. И. Панаева (Современник. 1861. № 9, вышел в свет 8 октября), где с добродушной, а порою насмешливой иронией рассказывается о знакомстве автора с московскими славянофилами. Своеобразная кульминация этого рассказа — эпизод посещения Воробьевых гор. «С умилением, доходящим до слез», любителю отсюда панорамой Москвы М. Н. Загоскин, как бы посвящающий своего молодого друга в «настоящие русские».¹²

Хвастливые слова Загоскина, припомнившиеся Панаеву, что «если русский человек захочет, то он всегда заткнет за пояс и немца, и француза, и англичанина», невольно соотносились с опи-

¹¹ В данном случае перевод Н. Курочкина точнее передает смысл подлинника, чем позднейший перевод Н. Д. Хвоцинской («Прегрешить он может, но не мелкою виной. А преступлением могучим» — «Дело». 1882. № 4. С. 181).

¹² Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988. С. 188—189.

санием (в предшествующей главе воспоминаний) «патриотических драм с трескучими фразами» Кукольника, «в которых немцев выбрасывали из окон при диких криках и рукоплесканиях райка».¹³ Возможно, эти воспоминания нашли отражение в последующих словах Достоевского, что идеал славянофилов состоит еще и «из мечтательной картины полного будущего торжества над немцами, несколько даже физического...» (19, 60).

Как видим, в 1861 г., критически оценивая узость славянофильского патриотизма, Достоевский смыкался с «Современником», а также мог черпать из него материал для своих наблюдений.

Записная тетрадь 1876—1877 гг.

«У нас не науки, а до сих пор все еще „науки“, как говаривал в старину один редактор, издатель ежемесячного журнала, когда у него еще существовали отделы и рубрики и одна из них под названием „науки и художества“: „Ну вот повестица, ну там критичка, ну „науки“ тоже — вот и номерок составился — хе-хе-хе...“» (24, 246).

Читаем комментарий: «По-видимому, имеется в виду Н. А. Некрасов. В „Современнике“ был отдел „Науки и художества“ с 1847 по 1858 г.» (24, 479).

Почему Некрасов? Такой же точно отдел существовал еще раньше (с 1840 г.) в «Отечественных записках» А. А. Краевского и также продержался до 1858 г.

Скорее всего, именно Краевского имел в виду Достоевский. В редакционную кухню некрасовского «Современника» он никогда не был вхож, к тому же смена всей системы рубрикации в «Отечественных записках», произошедшая в 1859 г., близко коснулась его самого («Село Степанчиково» печаталось в «Отечественных записках», 1859, № 11, 12 уже без привычной рубрики «Словесность, науки и художества») и потому не могла не запомниться.

В мемуарной заметке Достоевского вышучивается редакторское самодовольство, граничащее с презрением к собственно науке («наука») и литературе («повестица», «критичка»), да и самой журналистике («номерок»). Эти качества нисколько не свойственны были Некрасову-редактору, зато с избытком был наделен ими А. А. Краевский, бывший именно в этих своих качествах предметом многочисленных пародий и насмешек в русской печати. В том числе и самого Достоевского, в статье «Каламбуры в жизни и в литературе» (Эпоха. 1864. № 10) высмеявшего этого издателя, который «всю жизнь на свое литературное дело смотрел не как на дело, а как на дела. (...) тем самым обделал и свои делишки...» (20, 138—139).

Словесную форму «науки» Достоевский использовал также в главе «Одна из современных фальшей» «Дневника писателя»

¹³ Там же. С. 192, 172.

(Гражданин. 1873. 10 дек. № 50) для обозначения узких, формальных знаний, далеких от живой практики (21, 129). Слово здесь было поставлено в кавычки, но ссылки на источник Достоевский не сделал. Подобного рода «глухие» цитаты у писателя не редки, составляя своеобразный литературный фон, понятный лишь определенному кругу читателей. Что, собственно, сильно затрудняет и работу комментаторов Достоевского: так и в данном случае цитата осталась непрокомментированной.

«... „покровителей“ мы не имеем»

В комментариях к «гражданинскому» т. 21 «Полного собрания сочинений» Достоевского обходится молчанием вопрос, имеющий тем не менее принципиальное значение.

Из воспоминаний крупных государственных деятелей конца XIX столетия (С. Ю. Витте, А. А. Половцова, Е. М. Феоктистова) известно, что издатель «Гражданина» князь В. П. Мещерский получал крупные субсидии на издание своей газеты от Александра III и Николая II. Но так ли это было в 1873—1874 гг., когда редактором еженедельника был Ф. М. Достоевский? В ряде авторитетных изданий, освещающих этот вопрос, никаких хронологических ограничений не оговаривается, так что можно понять и так, будто «Гражданин» субсидировался правительством всегда, в том числе и при Достоевском.¹⁴

Специальными архивными изысканиями на этот предмет занимался видный советский историк П. А. Зайончковский. В Центральном государственном архиве Октябрьской революции (далее: ЦГАОР) он обнаружил недатированное письмо В. П. Мещерского к цесаревичу, будущему Александру III, с просьбой выдать 80 тысяч рублей на издание журнала. Исследователь датировал письмо началом 70-х гг. и сделал вывод: «Деньги, по-видимому, все же были даны, так как именно с 1872 г. начал издаваться „Гражданин“».¹⁵

Мнение авторитетного ученого осталось непровергнутым, и в достоевковедении сложилось довольно странное положение. Никто из современных исследователей, пишущих о Достоевском, всерьез эту версию, видимо, не принял. Щекотливое место обычно просто игнорируется. Но от этого оно не исчезло!

Мы думаем, что и в исторической науке должна существовать презумпция невиновности, и нет смысла доверять непроверенным, неподтвержденным данным. И все же самый верный способ уничтожения домыслов на корню — это найти опровергаю-

¹⁴ См.: Русская периодическая печать (1702—1844). М., 1959. С. 547; Краткая литературная энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 820; Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1952. Т. 11. С. 281 (здесь прямо указывается, что «Гражданин» 1873 г. «субсидировался правительством»); Поэты «Искры»: В 2 т. Л., 1987. Т. 2. С. 434.

¹⁵ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 75.

щие их факты. В данном случае они имеются в нашем распоряжении.

Письмо Мещерского цесаревичу с просьбой о субсидировании¹⁶ может быть датировано гораздо точнее, чем это сделал в свое время П. А. Зайончковский, — по упоминающимся здесь «письмам русского гражданина», напечатанным Мещерским в апрельском номере «Русского вестника» 1871 г. Заканчивается письмо просьбой: «... в случае Вашего согласия сожгите это письмо». Письмо, как видим, сожжено не было, и это — первый аргумент в пользу того, что Александр отказал «преданному другу».

Больше того, наследник, очевидно, переслал это письмо своему наставнику и идейному руководителю К. П. Победоносцеву с просьбой «прочсть и никому о нем не говорить»: «... я решительно не берусь один решить это дело и поэтому прошу Вас откровенно высказать Ваше мнение».¹⁷ Ответ Победоносцевым, видимо, был дан устно, в личной беседе, но его позиция в этом вопросе может быть реконструирована вполне однозначно. В указанном письме Мещерский писал наследнику, что еще два года назад у Победоносцева мысль о субсидии «вызвала опровержение следующее: дело это опасно, ибо если узнают о том, что деньгами вел(икого) кн(язя) основан журнал, то Вы (т. е. цесаревич. — В. В.) можете быть поставлены в весьма двусмысленное положение». Вряд ли за прошедшие два года Победоносцев изменил свое мнение. Зная это, наследник обращается к своему наставнику не столько за советом, сколько за поддержкой: видно, трудно было отказать «привязчивому» другу и единомышленнику.

Дневники, которые вел в это время наследник, свидетельствуют, что с весны 1871 г. личные встречи с Мещерским (а они были весьма и весьма на дружеской ноге, с беседами за полночь) решительно прекратились.¹⁸

Существует еще один документ, подтверждающий нашу версию. Это письмо К. П. Победоносцева наследнику, также без даты. В нем упоминается «рескрипт совету дома призрения», который, как удалось установить, был подписан цесаревичем 3 апреля 1873 г.¹⁹ Письмо, судя по всему, может быть датировано именно этим числом, т. е. когда редактором «Гражданина» был Достоевский и когда издатель его князь Мещерский «внезапно решил прекратить издание».²⁰ Победоносцев по этому случаю пишет наслед-

¹⁶ ЦГАОР, ф. 677 (Александра III), л. 896, л. 108—111 об.

¹⁷ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.; Пг., 1923. Т. 1, полутом второй. С. 1009—1010. Письмо без даты, но по бумаге может быть датировано началом 1870-х гг. (ГБЛ, ф. 230. 4405. 5, л. 13—14). Кроме того, по некоторым выражениям можно предположить, что речь идет о деньгах, например: «Мне очень неприятны подобные просьбы близко мне знакомых людей, потому что ставит это Вас всегда в фальшивое положение».

¹⁸ См.: ЦГАОР, ф. 677. л. 304.

¹⁹ См.: Правит. вест. 1873. 24 апр. № 96.

²⁰ Подробнее об этом в нашей статье: К истории одного объявления в «Гражданине» 1873 г. // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1987. Т. 7.

нику: «Все это побуждает меня только радоваться, что ваше высочество уклонилось от какого бы то ни было участия в этом деле».²¹

По воспоминаниям самого Мещерского, деньги на издание «Гражданина» дали некоторые московские и провинциальные купцы.²² Обвинение Достоевского в том, что он редактировал издание, пользуясь тайной или явной высочайшей субсидией, может быть полностью снято.

Начиная свое редакторство, уже в третьем номере «Гражданина» 1873 г. Достоевский отверг подозрения, что он когда бы то ни было, в прошлом или настоящем, «надеялся выиграть где-нибудь en haut lieu...»²³ (21, 30). Когда же такие подозрения все-таки высказывались, Достоевский был решителен и безапелляционен: «... не хотели ли „С.-Петербургские ведомости“ намекнуть на какое-нибудь „покровительство“ или „внушение“, по которому мы находим подписчиков (...)? Уверюем (серьезно, не смеясь), что „покровителей“ мы не имеем...».²⁴

Тема не была исчерпана в 1873 г. Позднее Достоевский занесет в записную книжку, как будто предупреждая будущих толкователей: «Направление! Мос направление то, за которое не дают чинов» (24, 78).

И. Л. АЛЬМИ

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО ИЗ ЭПИЗОДОВ РОМАНА «ИДИОТ»

(рассказ генерала Иволгина о Наполеоне)

Одно из вставных повествований в романе «Идиот» останавливает внимание своей чрезвычайной эффектностью. Это история удивительных отношений французского императора и русского мальчика, сблизившихся в Москве двенадцатого года. Рассказ подан как «воспоминания» Иволгина-старшего — «восторженного человека» и беспардонного лжеца.

В комментарии к «Идиоту» «комические эпизоды вранья генерала Иволгина» упоминаются как нечто единое, образующее опре-

²¹ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 22. Письмо здесь неверно датировано апрелем 1874 г.

²² Мещерский В. П. Мои воспоминания. СПб., 1898. Ч. 2. С. 163.

²³ в высших сферах (франц.).

²⁴ «Ответ на запрос „С.-Петербургских ведомостей“» // Гражданин. 1873. 5 нояб. № 45. Очевидно, что «Ответ...» был создан совместными усилиями редактора и издателя: первый вариант, написанный Мещерским «резко» и «заносчиво», Достоевский отверг и написал второй — «спокойный, ясный», затем уже третий вариант Мещерского был, по выражению Достоевского, «обделкой» второго (см.: 29, 306—307; ср.: Достоевский Ф. М. Письма. М.; Л., 1934. Т. 3. С. 315, комментарий А. С. Долинина). Судя по стилю, процитированный фрагмент принадлежит перу Достоевского. Данная заметка, на наш взгляд, должна включаться в корпус собрания сочинений Достоевского в раздел «Коллективное».